

Irma I. Mullonen

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Motivation vs Remotivation as a Source of Ethnocultural Information (Based on Place Names of Karelia)

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 3, pp. 61–77
DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031

Language of the article: Russian

Муллонен Ирма Ивановна

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск, Россия

Мотивация vs ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии)

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 61–77
DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031
УДК 811.511.11'373.21 + 39(=511.11)

И. И. Муллонен
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия

МОТИВАЦИЯ VS РЕМОТИВАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (на материале топонимии Карелии)*

В статье анализируется, как соотносится ремотивация, через которую на протяжении жизни проходит топоним, с его исходной мотивацией и как оба эти процесса отражают этноязыковой и историко-культурный контекст своего возникновения. Реконструирована исходная мотивировка ряда утративших ее топооснов, базировавшаяся на объективных признаках объектов, существенных для номинатора. Поскольку процесс народного переосмысления топонимов наиболее системно проявляется в топонимических преданиях, выделены три ситуации во взаимоотношениях мотивационных значений топонимов и фольклорных произведений, демонстрирующие основные стратегии взаимодействия. Первая представлена в преданиях о первожителях, исходящих в принципе из того же мотива, который заложен примарной топонимической номинацией, однако историческая память преломляется в них сквозь призму мифологического осмысления. Вторая возникает, когда реальные истоки номинации полностью скрыты и для интерпретации топонима притягивается готовый фольклорный сюжет. Данная стратегия рассмотрена на материале трех карельских топооснов с «женской» семантикой: *Neičyt- / Neicyt- / Neitsyt-* «Девичий», *Akka-* : *Akan-* «Бабий», *Nainen* : *Nais(en)-* «Женский», примарная топонимическая мотивация которых размыта. В третьем случае в результате мотивационного

* Финансовое обеспечение исследований осуществляется из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

переосмысления происходит замена тополексемы на другую, созвучную изначальной, но продиктованную фольклорным сюжетом. В результате фольклорный текст и топоним несут в себе принципиально разную информацию. В Центральной Карелии острова, на которых традиционно сушили сети, превратились в «острова сокровищ», а топооснова *Uarto*- : *Uarro*- ‘вешала для сушки сетей’ приобрела вид *Uarreh*- : *Uartehe*- ‘сокровище, клад’ вследствие ее фольклорного переосмысления. В статье показано, что сюжеты преданий демонстрируют порубежное положение Карелии, входящей, с одной стороны, в регион бытования русских мотивов или мотивов, связанных с переосмыслением событий российской истории, с другой — в зону притяжения проникших с запада, с территории Финляндии, мифологических и исторических текстов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прибалтийско-финские языки, языковые контакты, топонимика, топонимические предания, мотивация, ремотивация, Карелия.

В топонимической системе действуют две разнонаправленные тенденции. Это, с одной стороны, утрата связи с породившим название апеллятивом, обусловленная природой топонима. Для топонима, являющегося адресом, меткой пространства, важна не столько его внутренняя форма, сколько способность идентифицировать называемый объект на местности, отличать его от других подобных. С другой стороны, попытки так называемой народной этимологии топонимов, а также существование топонимических преданий, предлагающих фольклорную версию истоков названия, подтверждают неизбывный интерес носителей топонимической системы к заложенному в топониме содержанию.

В статье анализируется, как соотносится ремотивация, через которую на протяжении жизни проходит топоним, с его исходной мотивацией и как оба эти процесса отражают этноязыковой и историко-культурный контекст своего возникновения. Материалом для исследования послужили данные Картотеки топонимов Карелии, хранящейся в ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск), а также Топонимического архива Финляндии (Хельсинки).

Для анализа используется разработанный в ономастических исследованиях подход к топониму как своеобразному свернутому тексту, заключающему в себе многоплановую и многоуровневую информацию [Горбаневский, 1996]. При этом прочтение первоначального «текста» в относительно полном объеме и, соответственно, выявление истинных истоков номинации далеко не всегда лежит на поверхности, т. е. требует профессионального анализа. С другой стороны, интерпретация такого текста носителями топонимической системы оказывается не менее информативной в плане культурного потенциала, поскольку позволяет через реализацию прагматического подхода увидеть представления о мире этого самого интерпретатора. Исходя из времени, ситуации, жизненного опыта и ряда других составляющих, «свернутый текст» прочитывается по-разному.

Как соотносятся два уровня текста: с одной стороны, тот свернутый текст, который закладывали в топоним его создатели, с другой — тот, который возник

в ходе народной интерпретации? Комбинации складываются разные. Во многих случаях мотивация, приводимая нашими информантами — носителями традиционной культуры, в основных своих посылах совпадает с той, которой, видимо, руководствовались и создатели топонима. Это касается таких основополагающих параметров реального географического пространства, как размер, форма, относительное расположение географических объектов, флора и фауна местности, а также отражения реалий традиционного крестьянского быта и хозяйства и местной антропонимии.

Народная память отличается цепкостью, она хранит отдаленные во времени события, не отраженные ни в каких исторических источниках. В свое время известным финским собирателем и исследователем языка и культуры карелов П. Виртаранта в Тверской Карелии был зафиксирован сюжет о переселении карелов из с. Сельги, расположенного в Центральной Карелии (так называемая Сегозерская Карелия), в тверскую деревню *Pogreloi* (видимо, *Погорелово*) [Virtaranta, 1961, 70]. Его можно было бы считать легендой, например некой реминисценцией тех далеких исторических событий XVII в., когда вследствие обстоятельств русско-шведского противостояния карелы переселялись из Приладожья, с одной стороны, в Сегозерье, с другой — в тверские земли. Однако в конце 1990-х гг. мы записали уже в самом с. Сельги Сегозерской Карелии предание о том, что некоторые из деревень, входивших в состав этого в прошлом обширного поселения, исчезли, поскольку в голодные годы их жители были вынуждены уйти отсюда в Тверь. О них напоминают теперь названия урочищ на месте прежних деревень: *Pörökilä, D'orkkala, Himol'a, Röččölä* [Муллонен, 2001, 26]. Когда же совсем недавно было обнаружено, что некоторые фонетические особенности восточных весьегонских говоров (где есть и д. Погорелово), отличающие их от других тверских карельских диалектов, аналогичны сегозерским [Новак, 2016, 70], предание о переселении приобрело статус исторического факта, который не отразился в известных письменных источниках.

Вместе с тем понятно, что забвение отдельных форм культурной традиции, как и некоторых устойчивых образов, топонимических метафор, ведет к размыванию истинной мотивации топонима. Многочисленные *Железные Ворота* не воспринимаются уже как метафоры, помечающие сужение русла реки, текущей в скалистых берегах, или аналогичные места на дорогах, а превращаются в интерпретации наших информантов в обычные железные калитки, якобы стоявшие в искомым местах. Экскурсоводы музея «Кижы» в Карелии нередко предпочитают объяснять название острова карельским словом *kižad* 'игрища', которое выглядит, на первый взгляд, очень привлекательно, но не находит никакого подтверждения ни в карельской народной топонимии в виде соответствующего топонимического ряда, ни в народных топонимических преданиях. Эта «народная» (на самом деле музейная) интерпретация возникла в недрах музея в ситуации, когда была утрачена примарная этимология, возводящая название к карел. *kii(d)žin* 'водяной

мох, использовавшийся для мшения построек' [Муллонен, 2008, 59–60]. Ушла традиция, вышел из употребления термин, но сохранилась топооснова, которая в условиях спроса на этнокультурную информацию была проинтерпретирована произвольно, без учета традиций именованя и народного переосмысления.

Каждому топонимисту-полевику известны такие, если можно сказать, одно-разовые, окказиональные ремотивации, возникающие иногда спонтанно, иногда закреплённые локально в рамках одного поселения или куста поселений. Не будучи, как правило, опосредованными представлениями о традиционной народной культуре, они малопригодны для выявления этнокультурной информации. В этом смысле значительно большей релевантностью обладает народная мотивация, которая убедительнее всего проявляет себя в топонимических преданиях. В данной публикации учитываются разработанные Е. Л. Березович на материале топонимии Русского Севера теоретические положения об особенностях взаимодействия топонимической и фольклорной мотивации [Березович, 2010]. Топонимия Карелии позволяет проследить специфику этого взаимодействия в рамках двуязычного материала.

Далее описаны три ситуации во взаимоотношениях мотивационных значений топонимов и фольклорных произведений. Первая представлена в преданиях о первожиителях, исходящих в принципе из того же мотива, который заложен примарной топонимической номинацией, однако историческая память преломляется в них сквозь призму мифологического осмысления. Вторая возникает, когда реальные истоки номинации полностью скрыты и для интерпретации топонима притягивается готовый фольклорный сюжет. При этом облик самой тополексемы сохраняется в неизменном виде. В третьем же случае в результате мотивационного переосмысления происходит замена тополексемы на другую, созвучную изначальной, но продиктованную фольклорным сюжетом. В результате фольклорный текст и топоним «кодируют принципиально разную информацию» [Березович, 2010, 209].

1. Предания о первожиителях и основателях поселения

Историческое сознание носителей топосистемы наиболее рельефно проявляется в ойконимических преданиях об основателях населённых мест. Многочисленные отантропонимические названия поселений содержат в основе именованя его основателя, первожиителя, что отражают и народные интерпретации, хотя и без той детализации и конкретности, которые вкладывались первоначально в название. Однако при этом в соответствии с законами жанра преданий, разрабатывающих историческую тематику в её народной трактовке, коллективная память не только фиксирует исторические факты, но и переосмысливает их в русле историко-мифологического контекста. Возникновение многих северновепских деревень и происхождение их названий, имеющих в основе антропоним, в местной

традиции обычно связывают с солдатами, бежавшими от царской службы: якобы деревни названы их именами. В этом угадываются отголоски исторических событий начала XIX столетия, когда непомерно тяжелые условия несения военной службы приводили к большому числу побегов, в том числе в отдаленные, относительно труднодоступные места Олонецкой губернии. При этом подавляющее большинство северновепских поселений в действительности возникло значительно раньше XIX в., они фиксируются уже в документах писцового дела XVI в., к этому же времени восходят и названия некоторых из них.

При объяснении истоков топонима народное сознание прибегает и к историческим событиям, как в предыдущем примере, и к известным фольклорным мотивам, т. е. топоним в народной интерпретации выступает свернутой формулой предания. Очевидно, для народного сознания это явления одного порядка. Так, неоднократно реализованный в русской традиции мотив о щепках / венике / поленьях как знаках расположенного выше по течению реки поселения зафиксирован точно и в прибалтийско-финском мире.

В качестве примера приведем предание об основании деревень Юксила и Вангимала, расположенных на р. Олонка и входящих в состав исторического поселения Олонец. Текст включает в себя также народную этимологию антропонимов, послуживших основой для именовании поселений. Первый житель д. Юксила увидел плывущую вниз по реке щепку, по которой нашел в 20 верстах выше по реке деревню, основателю которой предложил быть его старшим братом. Отсюда и происходит якобы название д. *Вангимала* (созвучно карел. *vanhembä veli* 'старший брат'). Название д. *Юксила* связывают с тем, что ее житель *juoksi* — «побежал» искать другое поселение [Северные предания, 44–45]. Действие традиционного предания перенесено на берега р. Олонка, при этом исходный посыл в объяснении истоков двух ойконимов, возводящий их к антропонимам — именам первожителей, соответствует топонимической мотивации. Предание явно бытовало в карельской языковой среде, поскольку в интерпретации топонимов улавливается карельский языковой фон. Впрочем, истоки самих антропонимов в научной трактовке выглядят несколько иначе. *Юксила*, или *Юксилицы*, карел. *Juoksielu* ~ *Juoksiilu*, видимо, содержит в основе прозвище основателя поселения, ср. ливв. *juoksii* 'блудливый (о мужчине)', производное от глагольной основы *juokse-* 'бегать (в том числе за кем-то); быть в течке (о животных)'. В свою очередь, название *Вангимала* — карел. *Vanhimal* сохранило старинное прибалтийско-финское имя **Vanhima* 'самый старший; хозяин, глава' (приб.-фин. *vanhin* : *vanhima-* 'самый старший, самый старый' — превосходная степень прилагательного *vanha* 'старый'). Обе деревни упоминаются в источнике 1582 г. [ПКЗП 1582/83, 52, 58]. Реальные носители этих (родовых) имен, конечно, неизвестны, однако типологически оба ойконима, бесспорно, входят в число традиционных карельских отантропонимических наименований, в которых имя первопоселенца оформляется *-l*-овым формантом с локативной семантикой [Nissilä, 1975, 97],

т. е. *Вангимала* — это ‘место где живет (род) Вангима’. Что же касается фольклорной ремотивации, то она могла быть спровоцирована тем русским этноязыковым влиянием, которое распространилось в Олонецкой округе в XVII в. в связи со строительством здесь защитной порубежной крепости (рядом находилась шведская граница) и с определенной русской составляющей в поселении, бывшем в XVI–XVIII вв. административным центром. В целом, повторимся, сюжет не свойственен прибалтийско-финской традиции.

Следующий пример также демонстрирует разное прочтение одного ойконима носителями топонимической системы и восстанавливает историко-культурный контекст как примарной мотивации, так и последующих ремотиваций. При этом удается довольно точно установить хронологию событий.

Деревня (позднее поселок) *Матросы* расположена примерно в 25 км от Петрозаводска, в Пряжинском районе Республики Карелия. Профессиональный анализ топонима заключается, с одной стороны, во встраивании топонима в ряд подобных простых по структуре наименований поселений, выраженных формой мн. ч. и содержащих в основе антропоним, ср. д. *Мизуры, Петры, Ребяты, Тарасы* и др.; с другой стороны — в учете хронологии и условий рождения подобных топонимов. Для Карелии это первая половина XIX в., когда появляются однодворные выселки, выделившиеся из многодворных селений. Эти контекстные рамки позволили предполагать в основе ойконима *Матросы* антропоним, что и подтвердили в дальнейшем архивные свидетельства, в соответствии с которыми выселок «У Матроса» появился между 1834 и 1837 гг., при этом его основатель Захар Козьмин носил родовое прозвище *Матрос*, доставшееся ему в наследство от деда, служившего матросом на канонерской лодке [Петриляйнен, 2018].

Эта история рождения топонима была в дальнейшем неоднократно переосмыслена в контексте нового времени и новых обстоятельств. Существующие в виде топонимических преданий мотивировки каждый раз убедительно характеризуют своих создателей. В материалах Топонимической картотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН зафиксированы три версии таких народных интерпретаций. Первая из них гласит, что в *Матросы* были привезены на поселение матросы с легендарного броненосца «Потемкин», участвовавшие в первой русской революции 1905 г. Здесь между ними произошла какая-то стычка, в результате которой половина их состава была отселена в соседнюю деревню, получившую в память об этом событии название *Половина*. Здесь проявляется характерный для народной интерпретации процесс втягивания в сферу топонимического предания названий смежных объектов. В реальности топоним *Половина* отражает расположение поселения — бывшей почтовой станции — на полпути между двумя узловыми пунктами: Петрозаводском и с. Пряжа. Можно довольно уверенно говорить о том, что «потемкинская» интерпретация могла появиться где-то в предвоенные годы в связи с популярностью фильма «Броненосец “Потемкин”», снятого Сергеем Эйзенштейном в 1925 г. и пользовавшегося в свое время огромной популярностью.

Сомнительно, чтобы сведения о самом событии 1905 г. могли быть катализатором переосмысления истоков топонима.

Примерно в это же время, но в иной языковой среде родилась другая трактовка. Когда в 1930-е гг. в Матросах поселилась большая финская диаспора — приехавшие в СССР по приглашению советского правительства канадские финны, — новые жители объяснили непонятное им название поселения в канонах западноевропейских баллад о любовной истории мифических первожителей с финскими именами *Mammi* и *Poosa*, сочетание которых своим звучанием отдаленно напоминает фонетический облик топонима *Матросы*.

Уже в самые последние годы появилась новая интерпретация, в соответствии с которой поселок назван по «матросам» — тем туристам-водникам, которые весь летний сезон проводят тренировки в поселке *Матросы* на шуйском пороге Большой Толли. Здесь реализован абсолютно современный контекст, в котором вербализуется ситуация последних нескольких лет — включение местности в активный туристический бизнес.

Из трех обозначенных мотивационных переосмыслений первые два вводят топонимический текст в ряд традиционных фольклорных текстов, собственно в свертхтекст традиционной народной культуры, и особенно значимы с позиций реконструкции народной модели мира. Третье носит окказиональный характер, хотя может со временем и в зависимости от развития ситуации превратиться в устойчивый текст.

2. Три «женские» топоосновы с утраченными мотивами номинации

В этом разделе рассматривается переосмысление внутренней формы топоосновы в русле фольклорной ремотивации на примере трех карельских «женских» топооснов: *Neičyt- / Neicyt- / Neitsyt-* «Девичий», *Akka-* : *Akan-* «Бабий», *Nainen* : *Nais(en)-* «Женский», которые отличаются значительной продуктивностью в топонимии, при этом мотивация их топонимического бытования явно размыта.

Neičyt- / Neicyt- / Neitsyt- «Девичий»

Один из самых известных и красивых островов Валаамского архипелага на Ладожском озере носит название *Дивный*. Название нехарактерно для традиционной народной топонимии и является в таком виде, очевидно, монастырским. При этом в «Описании карты угодий Валаамского монастыря» 1798 г., зафиксировавшем целый ряд карельских топонимов, остров назван *Нейцот* [Описание 1798], ср. карел. *neicyt* ‘девушка, девица’, на более поздних финских картах *Neitsytsaari* «Девичий остров». Остров *Нейцот* превратился в *Дивный* явно через стадию перевода первого на русский язык. С учетом севернорусских диалектных особенностей перевод должен был иметь вид **Дивий*, ср. новг., олон.

дивий ‘девичий’ [ЭССЯ, 5, 23], ср. также на Заонежском полуострове аналогичные формы *Дивья острова* или *Дивий камень*. Этот реконструированный переведенный вариант является своего рода связкой между карельским *Нейцют* и монастырским *Дивный*. Именно он в силу близости в звуковом облике переосмыслился в русле монастырской традиции (ср. рядом о-в *Дикий*) в остров *Дивный*. Надо полагать, что свою роль в таком переосмыслении могли сыграть и природные особенности острова, который напоминает неприступную крепость: скалистые берега отвесно уходят вглубь Ладожского озера. К нему трудно причалить, еще труднее подняться по скалистым уступам вверх. Валаамский «девичий» остров не одинок, он встраивается в ряд других, чаще всего скалистых, с обрывистыми береговыми утесами островов с названием *Neicytsuari ~ Neičutsuari ~ Neitsytsaari* в Карелии и Финляндии. Народная этимология возводит их, конечно, к прибалтийско-финскому слову *neitsyt* ‘девушка’, при этом четкой мотивации не предлагает. Исходя из ландшафтной характеристики островов, рискнем предположить, что первоначально в названии актуализировалась сема ‘девственный, неприступный, нетронутый’, составляющая ядро лексического значения слова *neitsyt*. Именно она оказалась востребованной при создании финской библейской терминологии, ср. фин. *neitsyt* ‘дева, девственница’, *Neitsyt Maria* ‘Дева Мария’, *neitseellinen* ‘присущий девственнице, чистый, целомудренный’ [NS, 2, 636]. Образ соответствует характеристике скалистых, труднодоступных, неосвоенных «девичьих» островов. ‘Девственный’ остров переосмыслился в дальнейшем в ‘девичий’, а далее в ‘дивный’ (*Дивий* как производное от *диво*), т. е. особенный, чудесный.

История, кажется, имеет и другое продолжение — в топонимии «русской» Карелии, включающей слой адаптированных прибалтийско-финских названий. На Онежском озере известно несколько крошечных скалистых островков, называемых *Девичьими* (Прион., Деревянное; Шал., Римское) и *Дивьими* (Шал., Авдеево). По крайней мере для двух из них зафиксированы предания. На *Девичьем* острове в Прионежье развернулось целое действие, участниками которого были литовские паны, пленившие местную девушку и отправившиеся пировать на скалистый остров на озере. Девушке удалось чудесным образом спастись бегством с острова на лодке. Паны же, оставшись без лодки и не имея возможности выбраться с острова, «повесили себе на шеи огромные камни и с высокого утеса бросились в озеро» [Криничная, 1991, 172]. Второе предание, зафиксированное в с. Римское на Пудожском берегу Онежского озера, менее затейливо: девушка бросилась со скалы в озеро от несчастной любви [КТК]. Возможно, это реминисценция более развернутого и более традиционного повествования. Примечательно, однако, что и здесь события привязываются к острову с обрывистыми скалистыми берегами. К этим сюжетам подтягивается еще один, объясняющий истоки топонима *Дивья гора* в бывшем Повенецком уезде, на берегу р. Кумса. С этого крутого песчаного прибрежного мыса скатилась вниз в воду гонимая панями девушка [Криничная, 1991, 171].

Карельские и русские «девичьи» острова имеют, таким образом, аналогичную ландшафтную характеристику, которая, как представляется, и могла на этапе возникновения карельского топонима мотивировать его: основа *neitsyt* использовалась как метафора неприступного, нетронутого освоением места. Если выстроенная здесь последовательность событий «топонимической» истории верна, то метафорическая семантика должна была сохраняться за топоосновой еще на этапе карельской экспансии в Обонежье, т. е. в XVI–XVII вв., и мотивировать название труднодоступных островов. В дальнейшем, адаптировавшись в русском бытовании и преобразовавшись в *Дивьи*, названия островов оказываются частью местной этнокультурной системы и подвергаются фольклорной ремотивации. Иначе развиваются события на Валааме, где в ремотивацию топонима вплетается «идеологическая» монастырская составляющая, которая приводит и к переоформлению самого топонима. В результате мотивационного переосмысления происходит замена тополексемы на другую, созвучную изначальной, но продиктованную фольклорным сюжетом (см. об этом в разделе 3).

Акка- : Akan- «Бабий»

На территории Северной и Центральной Карелии, т. е. в собственно карельском языковом ареале, отмечено несколько камней и луд на озерах с названиями *Akan/kivi* «Бабий камень» и *Akan/luoto* «Бабыя луда». К ним примыкают названия отдельных мелких островов *Akan/suari* «Бабий остров». Согласно народной интерпретации, муж в наказание высадил на ночь / неделю / навсегда на камне, луде или острове свою сварливую жену. Видимо, это одна из реминисценций известного сказочного сюжета о строптивой жене и ее укрощении (сюжет № 901 по [СУС; АА]). Реальная же основа названия утрачена¹. Засвидетельствованная в топонимии Русского Севера тенденция помечать соответствующей русской топоосновой *Бабий* границы «женского мира», в пределах которого осуществлялась хозяйственно-экономическая деятельность женской части населения [Березович, 2000, 95], не находит убедительного подтверждения на прибалтийско-финском материале, во всяком случае в наименованиях озерных луд и островов. Видимо, это связано с отсутствием особого распределения гендерных ролей на озере — будь то рыбный промысел или поездка — в традиционной культуре карелов, населяющих Северную и Центральную Карелию. Появление здесь «бабьих» топонимов могло быть вызвано другими причинами, например, пейоративными коннотациями лексемы *akka*, проявляющимися в том, что топооснова используется, как правило, для называния маленьких по размерам объектов. Такой вывод сделан, в частности, в результате анализа почти 1 500 топонимов Финляндии

¹ В данном фрагменте рассматриваются только наименования озерных луд, камней, островков с атрибутивной основой *Акка- : Akan-*. За рамками исследования оставлены другие разряды топонимов (например, довольно многочисленные гидронимы, а также агроонимы) с этой основой.

с основой *Akka*- [Mallat, 2007, 120]; он просматривается и на карельском материале. При поисках мотивов номинации стоит обратить внимание и на расположение островков или луд в местах, где образуется обратное течение или завихрение течения, обычно перспективных для рыбалки. В данном случае предположение основано на том, что на востоке Финляндии, в частности в северных говорах Саво, широко бытует термин *akan/virta* ‘обратное течение, суводь’ [SMS, 1, 213], букв. «бабье течение»², при этом приблизительно в этих же диалектных границах нередки топонимы *Akan/saari*, *-luoto*, *-kivi* [Nimiarkisto]. Правда, соответствующий термин не зафиксирован в карельских говорах, однако, во-первых, он мог утратиться, а во-вторых, что даже более вероятно, сама топонимическая модель могла распространиться в Карелию с территории Саво, тем более что в Карелии соответствующие топонимы явно ареально тяготеют к саволакскому массиву.

Здесь вновь в ситуации утраты реальных мотивов номинации происходит мотивационное переосмысление топонима в русле фольклорного предания: готовый фольклорный текст «притягивается» к топониму [Березович, 2010, 209].

Nainen : *Nais(en)*- «Женский»

Топооснова представлена парой десятков топонимов, привязанных, как правило, к водным объектам или их побережьям, в собственно карельском языковом ареале. Четкая мотивация топонимов отсутствует. Опираясь на интерпретацию информантов, финский исследователь В. Ниссиля предполагал, что топооснова помечает места, где женщины сменяют за веслами мужчин, или маркирует особенности летнего выпаса скота, при котором женщины находились при стаде на отгонных пастбищах, обеспечивая уход и дойку [Nissilä, 1975, 115]. Предполагаются и некоторые мифологические контексты, хотя в целом тополексема *nainen* ‘женщина’ менее насыщена образностью по сравнению с синонимичной, но стилистически окрашенной *akka* ‘баба’. Один из таких контекстов связан с названием залива *Naislahti* «Женский залив», располагающегося в окрестностях г. Сортавала в Северном Приладожье, у основания вытянутого на несколько километров узкого мыса *Hiidenniemi* «Чертов мыс». Фольклорная интерпретация вводит его в круг представлений о том, что места, обозначенные топоосновой *Hiisi*- (фин., карел. *hiisi* ‘черт, леший’), считались в регионе Приладожья и — шире — Восточной Финляндии опасными для женщин, которые поэтому якобы предпочитали обходить их стороной [см.: Mallat, 2007, 60–61]. Когда на большой «церковной» лодке жители островных поселений плыли в воскресенье или праздники на службу в церковь, то женщин высаживали у основания мыса *Hiidenniemi*

² Лексема *akka* ‘баба’ участвует в народной речи в образовании целого ряда вторичных сложных по структуре слов, которым свойственна пейоративная семантика: *akan/hammas* ‘плохой неровный шов’ (букв. «бабий зуб»), *akan/ilma* ‘плохая погода’ (букв. «бабья погода»), *akan/solmu* ‘непрочный узел’ (букв. «бабий узел») и др. [SMS, 1, 211–213]. В этом же ряду следует рассматривать истоки термина *akan/virta*.

«Чертов мыс» в заливе *Naislahti* «Женский залив», и они преодолевали остаток пути пешком, пересекая мыс *Hiidenniemi* в его основании. Мужчины же гибли опасный мыс на лодке и причаливали на его противоположном берегу, где стоял главный сортавальский храм.

Какова реальная подоплека топонима? Возможно, она заключалась в том, что путь напрямую существенно сокращался для путников (женщин), не обремененных грузом, а введение в мифологический контекст произошло в связи с включением топонима в сюжет *Hiisi*. Топонимическая и фольклорная мотивация транслируют реальные пространственные отношения — каждая в соответствии со своими законами.

3. Предания о кладах

Известный европейский фольклорный мотив о кладах, отмеченный в указателе мотивов финской мифологической прозы Л. Симонсуури под № 251 [Simonsuuri, 1947], часто реализуется при народной интерпретации карельских топонимов с основой *Uarreh-* (о-ва *Uarrehsuari* многократно, мыс *Uarrehniemi*, р. *Uarrehjogi*, г. *Uarrehvuara*), ср. карел. *uarreh* (сильная основа *uartehe-*) ‘сокровище, клад’. В Центральной Карелии (Реболы, Тикша) народная традиция связывает название островов *Uarrehsuari* с тем, что на них закопана бочка с сокровищами, и обнаружить ее может только трехмесячный ребенок, который доберется до острова на трехнедельном жеребце по трехдневному льду [КТК]. Топооснова в виде *Aarre-* широко бытует в Восточной Финляндии³, откуда она, собственно, и распространилась в Карелию с так называемой третьей волной карельского переселения с территории Кексгольмского лена в середине XVII в., и там с ней также связаны предания о кладах [Kuzmin, 2014, 112, 113 — *карта*].

Д. Кузьмин полагает, что реальная основа номинации может восходить к переносной семантике лексемы *uarreh*, ср. карел. *uarrehikko* (с суфф. *-ikko*, имеющим «коллективную» семантику) ‘место, урожайное на ягоды и грибы’, и помечать соответствующие реалии [Kuzmin, 2014, 112]. Со своей стороны предложу другой возможный исходный текст, который реализует карел. *oarto / uarto* : *oarro-* / *uarro-* ‘вешала для сушки снопов или сетей’ [KKS, 4, 3–4]. Термин известен и в финских говорах, при этом финский диалектный материал наглядно показывает, как происходит переход соответствующего финского термина *aarto* ‘вешало’ в группу слов с другой основой: ср. варианты *aaro* и особенно *aarre* ‘вешало’, зафиксированные в ряде финских говоров [SMS, 1, 30–32]. В последнем случае фин. *aarre* ‘клад’ и *aarre* ‘вешало’ становятся полными омонимами, что естественным образом провоцирует переосмысление примарной семантики,

³ По данным ресурса [Nimiarkisto], здесь зафиксировано более 50 топонимов *Aarresaari*, с которыми карельские образуют единый ареал.

и места сушки сетей или снопов превращаются в места, где схоронены клады. Логично думать, что и за карельским ареалом топоосновы *Uarreh-* может стоять соответствующая финской фонетическая метаморфоза, хотя она документально и не зафиксирована. Кроме того, следует принимать во внимание, что народная интерпретация может «подправлять» звуковой облик топонима и закреплять это новое звучание.

Этимология убедительно подтверждается и тем, что абсолютное большинство топонимов привязано к прибрежной зоне, естественной для сушки сетей. Собственно, исходя из локализации объектов, следует полагать, что топооснова маркировала именно места сушки сетей, а не вешала для снопов. В предложенную интерпретацию укладывается и еще одно немаловажное обстоятельство. В ливвиковско-людиковском ареале, т. е. на более южной территории, чем та, на которой бытуют топонимические предания о кладах, зафиксировано несколько топонимов, в которых реализован термин ливв. *ardu*, люд. *ard* ‘вешало’: мыс *Ardoniemi* ~ *Uardoniemi* (Олон., Тенгусельга), о-в *Arduuari* (Петр., Вохтозеро), бер. *Ardrand* (Конд., Кондопога), тоня *Ardonabai* (Подп., Мошничье), р. *Арда* и оз. *Ардозеро* в бывшем людиковском ареале (Подп., Токари). Видимо, в силу непродуктивности в этом регионе преданий о кладах здесь не произошло переосмысления топоосновы, хотя сам термин в виде *arreh* / *uarreh* : *ardehe-* / *uardehe-* ‘клад’ [СКЯЛ, 22, 401] известен. Впрочем, один пример с самой западной границы ливвиковского языкового ареала все же зафиксирован: о-в *Aarressaari* ~ *Aardehsaari* с вариантом *Hobjusaari*, а также, видимо, и *Kuldusaari* (Пряж., Колатсельга), ср. карел. *hobju* ‘серебряный’, *kuldu* ‘золотой’. При этом здесь же бытует и предание о кладе, добыть который может только тот, кто доберется на остров «*kolmiyöhizel sälyyl, yksiyöhizel jääl*» <на трехсуточном жеребенке по однодневному льду> [КТК]. Надо полагать, что территория Колатсельги, расположенной на самой западной окраине ливвиковского этнокультурного ареала, оказалась втянутой в зону бытования предания о кладах.

Ареал топонимов с основой *Ard-* и ее фонетическими вариантами явно шире, чем ареал бытования топонимического предания⁴. Такая ареальная дистрибуция свидетельствует о том, что фольклорная ремотивация затронула только ту часть топонимического ареала, которая попала в зону бытования предания, пришедшего с территории Финляндии. При этом произошла полная «перекодировка» информации, приведшая и к смене тополексемы.

* * *

Подведем итоги. В силу своей природы топонимы обладают значительным этнокультурным содержанием, которое, однако, нередко скрыто, и, чтобы его

⁴К перечисленным примерам можно, видимо, добавить, о-в *Ардостров* ~ *Арбостров* на оз. Водлозеро (Пуд.).

реконструировать, требуется специальный профессиональный анализ, учитывающий собственно лингвистические и топонимические закономерности, историко-культурный контекст, социально-экономические параметры, ландшафтные характеристики названного объекта. Народная этимология, со своей стороны, переосмысливает топоним с учетом языкового сознания ремотиватора, а также представления о пространстве как месте, где разворачиваются исторические и мифологические события. Профессиональная этимология заонежского ойконима *Рим* возводит его к карел. *rieme* 'болото, поросшее чахлым лесом', мотивируя это тем, что деревня находится на краю обширного болота. Народная же ремотивация втягивает топоним в сферу преданий об основателях и первооткрывателях деревни, называя таковым Решетникова Ивана Михайловича, из первых букв фамилии, имени и отчества которого складывается аббревиатура РИМ [КТК]. Будучи опосредованной представлениями о традиционной культуре, народная модель актуализирует одновременно исторический контекст 1920–1930-х гг., времени господства аббревиатур на официальном уровне. Интерпретация текста носителями топонимической системы оказывается, таким образом, не менее информативна в плане культурного потенциала, чем примарная мотивация, отражая при этом другие пласты культуры.

В целом для крестьянской среды, в недрах которой возникали топонимы, характерен утилитарный, прикладной взгляд на местность и, соответственно, мотивация, исходящая из реальных признаков объектов и их использования в хозяйственно-экономической деятельности населения (см. предложенные в статье подходы к поиску примарной мотивации топооснов с «женской» семантикой). В дальнейшем же примарная мотивация отступает на задний план, топоним становится символом пространства и осмысливается в контексте связанных с ним и реальных исторических, и мифологических сюжетов. На протяжении жизни топоним может реинтерпретироваться неоднократно — в связи со сменой языкового сознания носителей топонимической системы (нередкая для Карелии ситуация), исторических и политических контекстов, экономических обстоятельств и др.

Фольклорная ремотивация демонстрирует характерное для народной топонимической пространственной модели втягивание в сюжет фольклорного текста названий смежных объектов (например, *Половина* в тексте о *Матросах* или *Naislahti* «Женский залив» в сюжете о *Hiisiniemi*). Просматривается также социальный контекст переосмысления первоначальной внутренней формы топонима (о-в *Дивный* в монастырском дискурсе).

Набор исторических сюжетов и событий, актуализированных в народной интерпретации топонимов, конечно, шире, чем тот, который затронут в данной публикации. Например, в Поморье и Южной Карелии еще и сейчас бытуют тексты, связанные с Петром I, а в Беломорской Карелии зафиксировано около 300 преданий о заселении этой территории в XVII–XVIII вв. и ее первооткрывателях — саамах, карелах (выходцах из Приботнии), а также финнах из Саво [Кузьмин, 2017].

Привлеченные здесь сюжеты демонстрируют порубежное положение Карелии, входящей, с одной стороны, в регион бытования русских мотивов или мотивов, связанных с переосмыслением событий российской истории, с другой — в зону притяжения проникших с запада, с территории Финляндии, мифологических и исторических текстов.

Источники

- АА — *Андреев А. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л. : Гос. рус. геогр. о-во, 1929.
- КТК — Картотека топонимов Карелии (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск).
- Описание 1798 — Описание карты угодий Валаамского монастыря (состоящего в Выборгской губернии в Кексгольмском уезде), составленной в 1798 году землемером Морицом фон Дрейером // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 762. Оп. 2. Д. 1/19.
- ПКЗП 1582/83 — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах = Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Т. 3 / ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск ; Йознсуу : КарНЦ РАН : Ун-т Йознсуу, 1993. С. 34–341.
- Северные предания — Северные предания : Беломор.-Обонеж. регион : тексты / изд. подгот. Н. А. Криничная. Л. : Наука, 1978.
- СКЯЛ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск : Карелия, 1990.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Безрезовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков ; отв. ред. К. В. Чистов. Л. : Наука, 1979.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI).
- Nimiarkisto. URL: www.nimiarkisto.fi.
- NS — Nykysuomen sanakirja. O. 1–3 / päätoim. M. Sadeniemi. 6. painos. Helsinki : WSOY, 1978.
- Simonsuuri 1947 — Myytillisiä tarinoita / toim. L. Simonsuuri. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1947. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia ; 229).
- SMS — Suomen murteiden sanakirja / päätoim. T. Tuomi. Helsinki : Kotimaisten kielten tutkimuskeskus : Valtion painatuskeskus, 1985–. O. 1–. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja ; 36).

Исследования

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомКнига, 2010.
- Горбаневский М. В.* Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М. : О-во любителей рос. словесности, 1996.
- Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб. : Наука, 1991.
- Кузьмин Д. В.* Зарубежные выходы в Беломорской Карелии XVII–XVIII вв. в свете данных народных преданий, документов и топонимии. DOI 10.15393/j103.art.2017.765 // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2017. Вып. 2. URL: <http://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=765>.
- Муллонен И. И.* История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа / отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 12–38.

- Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2008.
- Новак И. П. Тверские диалекты карельского языка: Фонетика. Фонология. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016.
- Петриляйнен О. Загадка названия *Матросы* // Meijän eläigu — Наша жизнь. Газета Пряжинского национального района Республики Карелии. 20.03.2018. URL: <http://elaigu.ru/content/zagadka-nazvaniya-matrosy>.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Kuzmin D. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki : Unigrafia OY, 2014.
- Mallat K. Naiset rajalla. *Kyöpelä, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä* Suomen paikkanimissä. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2007. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia ; 1122).
- Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu : Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975.
- Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo ; Helsinki : WSOY, 1961.

Рукопись поступила в редакцию 26.03.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

ливв.	ливвиковское наречие карельского языка	олон.	олонецкие говоры северно-русского наречия
люд.	людиковское наречие карельского языка		
новг.	новгородские говоры севернорусского наречия	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки

В названиях административно-территориальных единиц (для районов Карелии — по административному делению 1926 г.)

Конд.	Кондопожский	Прион.	Прионежский
Олон.	Олонецкий	Пряж.	Пряжинский
Петр.	Петровский	Пуд.	Пудожский
Подп.	Подпорожский (Ленинградская область)	Шал.	Шальский

* * *

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
языкознания
Институт языка, литературы и истории РАН
Карельский научный центр
185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: mullonen@sampo.ru

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Professor, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics Institute
of Language, Literature and History
Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk,
Russia
Email: mullonen@sampo.ru

Irma I. Mullonen

Institute of Linguistics, Literature and History
Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia

**MOTIVATION VS REMOTIVATION AS A SOURCE
OF ETHNOCULTURAL INFORMATION
(Based on Place Names of Karelia)**

The article analyzes the correlation between remotivation a toponym acquires in the course of its existence and its initial motivation, as well as the ways these processes reflect the ethnolinguistic, historical, and cultural contexts they were driven by. The lost original motivations have been restored for a number of toponymic stems, which rooted in the object's inherent physical traits that mattered for the nominator. The process of place name rethinking by local people is most systemically manifested in toponymic legends. Thereby, the author distinguishes three cases illustrating the key interaction strategies for the linkages between the motivational meanings of place names and folklore pieces. The first one occurs in legends about primary inhabitants, which generally proceed from the same motifs that are engraved on in the primary place name, but capture the historical memory through the prism of mythological interpretation. The second one applies where the true sources of the name are undetectable, and a ready-made folklore motif is used to interpret the place name. This strategy is studied using the material of three Karelian toponymic stems with 'female'-related meanings: *Neičyt- / Neicyt- / Neitsyt-* 'maiden's,' *Akka- : Akan-* 'mature woman's,' *Nainen : Nais(en)-* 'woman's, female,' whose primary toponymic motivation is blurred. The third case is where motivation rethinking results in a replacement of the toponymic stem for a different one, which sounds similarly, but is driven by a folklore plot. As a result, the folklore text and the place name carry fundamentally different information. In Central Karelia, the islands traditionally used for drying fishing nets have turned into "treasure islands," and the toponymic stem *Uarto-* : *Uarro-* 'net drying stands' acquired the form *Uarreh-* : *Uartehe-* 'treasure, hoard,' due to its folklore rethinking. The article shows that legend plots allude to the borderland position of Karelia, which refers to the area of Russian motifs or motifs associated with rethinking the events of Russian history on the one hand, so as it falls in the attraction zone of the mythological and historical texts that have arrived from the West, typically from Finland, on the other.

K e y w o r d s: Balto-Finnic languages, language contacts, toponymy, toponymic legends, motivation, remotivation, Karelia.

Acknowledgements

The studies are financed from the federal budget under state order to KarRC RAS (№ AAAA-A18-118012490344-5 "Finnic Languages of Northwest Russia: Linguistic Studies in the Sociocultural Context").

Berezovich, E. L. (2000). *Ruskaia toponimii v etnolingvističeskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Ekaterinburg: Ural University Press.

- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvističeskom aspekte: Mifopoetičeskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space] (2nd ed.). Moscow: KomKniga.
- Gorbanevsky, M. V. (1996). *Russkaia gorodskaja toponimiia: Metody istoriko-kul'turnogo izučeniia i sozdaniia komp'uternykh slovarei* [Russian Urban Toponymy: Methods of Historical and Cultural Study and Creation of Computer Dictionaries]. Moscow: Obščestvo ljubitelei rossiiskoi slovesnosti.
- Krinichnaya, N. A. (1991). *Predaniia Russkogo Severa* [Legends of the Russian North]. St Petersburg: Nauka.
- Kuzmin, D. (2014). *Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa* [Settlement History of White Sea Karelia in the Light of Onomastics]. Helsinki: Unigrafia OY.
- Kuzmin, D. V. (2017). Zarubežnye vykhodtsy v Belomorskoj Karelii XVII–XVIII vv. v svete dannykh narodnykh predanii, dokumentov i toponimii [Immigrants from Finland in the 17th–18th Centuries White Sea Karelia in the Light of Local Oral Tradition, Documents and Toponymy]. *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovanii*, 2. Retrieved from <http://nbsr.petrsu.ru/journal/article.php?id=765>. doi: 10.15393/j103.art.2017.765
- Mallat, K. (2007). *Naiset rajalla. Kyöpelä, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka ja Ämmä Suomen paikannimissä* [Women at the Border. *Kyöpelä, Nainen, Naara(s), Neitsyt, Morsian, Akka* and *Ämmä* in Finnish Place Names]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Mullonen, I. I. (2001). Istoriia Segozer'ia v geograficheskikh nazvaniiax [History of Segozero in Geographical Names]. In V. P. Orfinsky (Ed.), *Derevnia Jukkoguba i ee okrugä* [The Village Jukkoguba Area] (pp. 12–38). Petrozavodsk: PetrGU Press.
- Mullonen, I. I. (2008). *Toponimiia Zaonezh'ia: slovar's istoriko-kul'turnym kommentariem* [The Toponymy of Zaonezhye: A Dictionary with Historical and Cultural Comments]. Petrozavodsk: KRC RAS.
- Nissilä, V. (1975). *Suomen Karjalan nimistö* [Toponyms of Finnish Karelia]. Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö.
- Novak, I. P. (2016). *Tverskie dialekty karel'skogo iazyka: Fonetika. Fonologiya* [Tver Dialects of the Karelian Language: Phonetics. Phonology]. Petrozavodsk: KRC RAS.
- Petriäinen, O. (2018, March 20). *Zagadka nazvaniia Matrosy* [The Mystery of the Name *Matrosy*]. *Meijän eläigu — Nasha zhizn'*. Retrieved from <http://elaigu.ru/content/zagadka-nazvaniya-matrosy>.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologičeskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksičeskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Word Stock] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Virtaranta, P. (1961). *Tverin karjalaisten entistä elämää* [Former Tver's Karelian Life]. Porvoo; Helsinki: WSOY.

Received 26 March 2019